что звать опального патриарха прежним титулом значило бы подвергнуть себя самой печальной участи.[15]

Таким образом, сочинение Иосифа Владимирова было закончено до 10 июля 1658 г. Мы можем уточнить и нижнюю хронологическую границу его создания. Сам Владимиров упоминает в тексте о 1653—1654 гг. как о недавнем прошлом (л. 46). Указания на факты несколько более позднего времени содержат возражения против ссылок его оппонента на авторитет патриарха. Оппонент Владимирова Иоанн Плешкович, защищая старую живопись, ссылался на то, что патриарх Никон «живописцев проклинает», что он «иконы поверг и скрегбати велел» (лл. 60 об.—61).

Здесь и Владимиров, и его противник, видимо, находятся под впечатлением событий, происходивших в неделю Торжества православия в Москве в 1655 г., очевидцами которых они вполне могли быть. Мы знаем из красочного описания Павла Алеппского об анафеме, провозглашенной тогда Никоном и патриархом Антиохийским Макарием против «всех, кто впредь будет писать или держать у себя в доме франкские иконы»,[16] а затем московский патриарх «поверг» иконы, по деликатному выражению Владимирова, или, как разъясняет Павел Алеппский, «бросал на железные плиты пола так, что они разбивались».[17]

Из сказанного ясно, что «Послание» Владимирова написано не ранее 1655 г. Остается прибавить, что, по свидетельству самого Иосифа, оно написано через год после спора с Иоанном Плешковичем в доме Симона Ушакова («егда пред сим летом бых у тебе» (л. 1), — говорит он), происшедшего после событий в неделю Торжества православия, т. е. в феврале—марте 1655 г. Следовательно, окончательная датировка «Послания» определяется 1656—1658 гг.

Если сочинения Симеона Полоцкого и Симона Ушакова написаны в связи с подготовкой собора 1666—1667 гг., то «Послание» Владимирова *совпадает с расцветом реформационной деятельности патриарха Никона* и отражает — в большей или меньшей степени — его художественную политику. Сам Владимиров ставит свои требования улучшения живописи в один ряд с производившимся исправлением книг и реформой церковного пения (лл. 4 об. и 72 об.), утвержденной собором 1652 г. Его осведомленность и интерес к этим столь значительным мероприятиям видны также из упоминания «премудрейших», занятых «до днесь» исправлением книг (л. 4 об.), т. е. ученых киевлян во главе с «изящным дидаскалом»[18] Епифанием Славинецким, с 1649 г. работавших в Андреевском монастыре.

В иконописании патриарх Никон не произвел столь радикальных перемен, как в других областях религиозной жизни, и его отношение к живописи до сих пор было не совсем ясно. Действия Никона были таковы, что позволяли современникам давать его взглядам противоположные оценки. Это видно, в частности, из спора Владимирова с его оппонентом Иоанном Плешковичем: каждый из них ссылается на авторитет патриарха. Владимиров дает краткую характеристику деятельности Никона в области

---

[15] Судя по опубликованным документам, в последний раз Никон именуется «великим государем» в послании к нему епископа Полоцкого Каллиста от 21 июля 1658 г., см.: Н. Гиббенет. Историческое исследование дела патриарха Никона, ч. II. СПб., 1884, стр. 488. Очевидно, новость об опале Никона еще не успела разойтись по всей России в течение июля 1658 г.

[16] Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. Перевод с арабского Г. Муркоса. М., 1898, стр. 137 (далее: Павел Алеппский).

[17] Там же.

[18] Так Епифаний именуется в предисловии к изданному в 1656 г. сборнику «Слов» Григория Богослова.